

ПАГУБНАЯ ЛЮБОВЬ К СИММЕТРИИ

Укрепление федерации может лишь усилить сепаратизм

Идея борьбы с сепаратизмом, с угрозой «развала России» — одна из нескольких действительно прочувствованных идей нашего президента. «Вот захлестнуло бы Дагестан — и всё», — говорит он в своей книге, на мой взгляд, несколько преувеличивая стремление разных народов убежать из возглавляемого им государства. «Кавказ отошел бы весь... а потом вверх по Волге — Башкортостан, Татарстан».

Что же ведет, по мнению Путина, к сепаратизму? Кроме разного рода внешних подстрекательств, это «расхлябанность», отсутствие эффективной «вертикали власти» и несимметричность Российской Федерации, «неоправданные льготы» некоторых субъектов, например Татарстана. Соответственно, борьба за единство России в его представлении — это централизация исполнительной власти и ликвидация асимметричности, естественно раздражающей человека, любящего порядок. Эпоха игры в суверенитеты кончилась, все отныне встанут в одну шеренгу, и Казань, по замыслу Путина, теперь будет подчиняться даже не Москве, а «императорскому наместнику», сидящему в Нижнем Новгороде. То, что президент сможет провести свой план в жизнь, практически несомненно. В русском обществе вообще нет серьезных сил, которые могли бы противостоять президентской власти, и уж тем более никто не вступится за раздражавшие и вызывавшие зависть русских «субъектов» особые права татар и других «нацменов». Однако я думаю, что отдаленные последствия президентских трудов могут оказаться совсем не теми, которые предполагает президент, и даже противоположными его целям.

Борясь с сепаратизмом посредством построения симметричной федерации, президент, по-видимому, смешивает причину и следствие. В самом деле, откуда взялась наша асимметричность, почему Чечня, например, на некоторое время добила фактической независимости и сейчас продолжает за нее воевать, Татария довольно долго пребывала в очень странном, противоречивом положении, при котором татары могли считать свою республику суверенным государством, отдавшим по договору часть своих полномочий другому государству — России; Мордовия и Коми ни на какое особое положение типа татарстанского не претендуют, но все же свой флаг имеют, а, скажем, Ленинградская область — это просто область? Что стоит за этой иерархией?

Все предельно просто: правовая «несимметричность» России отражает ее национальную неоднородность. Около 20 процентов населения России — не русские, причем очень разные нерусские. Среди них — и большие народы, и народы крохотные; есть народы с мощной и отличной от русской культурой, и народы, такой культуры не имеющие и в значительной мере русифицированные; народы, имевшие в прошлом свою национальную государственность, уничтоженную Россией, и никогда ее не имевшие, и т. д. Иерархичность отношений с центром — отражение этих реальных, существующих независимо от правового оформления, различий. Это — результат исторически сложившихся

компромиссов, разных «равнодействующих» между центростремительными и центробежными силами.

Ясно, что если бы чеченцев было не один миллион, а три, их независимость была бы делом давно уже решенным, а если бы, скажем, балкарцев было бы столько же, сколько чеченцев, то, наверное, был бы боевой балкарский сепаратизм. С другой стороны, татар значительно больше, чем чеченцев, но той культурной и психологической отчужденности от русских, которая есть у чеченцев, у татар нет. Это нация в значительной мере урбанизованная, дисперсная, живущая общей с русскими городской культурой, у них не было травмы депортации, которую пережили чеченцы. У мордвин же нет ни своей государственной традиции, ни отличной от русских религии, ни сильного мордовского национализма. Разумеется, на степень сепаратистских настроений влияют и другие факторы — географическое положение, традиция отношений с соседями, но в целом все это сводится все к тому же соотношению сил (и к мотивации как элементу силы).

Существующая система компромиссов установилась не сразу. Бурный период распада СССР был одновременно периодом резкого усиления националистических движений во всех республиках РСФСР. Отчасти эти движения поощрялись обеими сторонами конфликта, развернувшегося в Москве, но они возникли бы и без этого. Народам бывших российских автономий трудно было смириться с тем, что даже маленькие союзные республики имеют право на независимость, а они, «автономные», — не имеют. Кроме того, они боялись остаться один на один с русскими, без относительно «интернационального» союзного центра и нерусских союзных республик (те же мотивы подхлестнули сепаратизм осетин и абхазов в Грузии, гагаузов и русских в Молдавии). Поэтому в 1991—1993 гг. национальные республики находились в некоторой оппозиции к Ельцину. Однако уже к 1995 г. они становятся одной из важнейших опор созданного Ельциным режима. Как это происходит?

Во-первых, это связано с сильными русско-националистическими элементами идеологии нашей оппозиции (КПРФ и ранней, еще оппозиционной, ЛДПР), которая поэтому не могла воспользоваться громадным, почти 20-процентным потенциалом нерусского электората. Во-вторых, с компромиссной политикой Кремля. Федеральный центр согласился предоставить республикам больше прав, чем русским областям, позволил сложиться в них «вассальным царствам», во внутренние дела которых Москва не лезла, если они регулярно платили Ельцину «дань» в виде голосов, которые поставлялись при каждом важном федеральном голосовании (Путин сам получил от них большой «кус», набрав 85,4 процента голосов в Ингушетии, 80 — в Дагестане и 68,4 — в Татарстане). Эти цифры, разумеется, не свидетельствуют о любви народов республик к Ельцину и его наследнику, а были либо результатом доверия населения к местным лидерам («раз Шаймиев сказал, что голосовать надо за Путина, то, наверное, он знает, что нам, татарам, лучше»), либо получены путем жульничества, на которое тем не менее избиратели смотрели относительно спокойно (так или иначе, но понятно, что дань платить надо).

В этой системе, разумеется, очень много плохого, прежде всего — авторитарные системы правления в республиках, в значительной мере поощрявшиеся центром, которому удобнее иметь дело с «ханами», чем с народами. Но сама иерархичность отношений к центру, «асимметричность» Федерации были явлениями совершенно нормальными и не только не способствующими сепаратизму, но, напротив, его умеряющими. По данным опросов, только 20 процентов татар (правда, среди молодежи несколько больше)

считают, что Татарстан в конце концов должен стать полностью независимым, остальные довольны существующим компромиссом, который мог сохраняться сколь угодно долго. Когда дверь для выхода в бурный и тревожный мир суверенного существования хотя бы теоретически открыта, мало кто будет в эту дверь ломиться (есть очень хороший пример Квебека, который знает, что может уйти из Канады, и именно поэтому каждый раз решает погодить).

Сейчас новый президент, преданный идеям порядка и полагающий, что теперь он может обойтись и без дани в виде голосов (или сумеет собрать ее руками своих генералов-наместников), кладет конец этой компромиссной системе. К чему это приведет? Ослабится ли сепаратизм? Разумеется, нет. Ослабятся лишь его внешние, раздражающие бюрократическое сознание проявления, его же глубокая основа, напротив, усилится. Людей обманули, «кинули». Им казалось, что они очень важные и чуть ли не суверенные, а им показали, что стоит их пресловутая «государственность», какова цена их президентам, национальным флагам, их договорам с центром. А когда дверь, в которую никто не собирался выходить, запирается на ключ, все мысли запертых обращаются к этой двери, им начинает казаться, что нет ничего более важного, чем выломать ее. Уничтожив раздражающую «асимметричность» и чисто формальные, безобидные проявления сепаратизма, Путин резко усилит сепаратистские мотивации.

Мотивация сама по себе является элементом силы, и усиление сепаратистских мотиваций нерусских народов будет означать изменение баланса центробежных и центростремительных сил. Между тем центробежная тенденция будет нарастать и по другим причинам. Нерусские народы в составе России — очень разные, и зачастую их враждебность друг другу превосходит их враждебность к России. На этом основана лояльность Москве многонационального Дагестана, Ингушетии и Осетии, для которых главное — не степень зависимости от Москвы, а судьбы Пригородного района, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и т. д. Но усиление общего пресса, выстраивание всех в одну шеренгу приведет эти народы к ощущению общности проблем и общности врага. Только очень немногие из татар ощущают, например, свою близость с чеченцами. Но если иллюзия татарского суверенитета будет разрушена, таких станет значительно больше. (В этом же направлении действует и наш антикавказский расизм, когда для московской милиции и традиционно лояльные осетины, и ингуши всё едино — «черные».)

Наконец, надо учитывать, что удельный вес коренных нерусских народов в населении России, и прежде всего как раз наименее «русифицированных» народов Северного Кавказа, тувинцев, якутов, бурятов, заметно растет. А доля русских пока держится на одном уровне исключительно за счет иммиграции из бывших союзных республик. Но приток переселенцев из-за рубежа кончается, и скоро удельный вес русских начнет уменьшаться. При этом особенно падает их доля как раз в республиках с наиболее отличной от русской культурой и потенциально сепаратистских.

Таким образом, в недалеком будущем мы столкнемся со значительно более мотивированными и бескомпромиссными, более связанными друг с другом и поддерживающими друг друга сепаратистскими движениями более многочисленных и сильных народов, которые предъявят свой счет при первом крупном политическом кризисе (или сами такой кризис породят).

Теперешнее стремление к симметрии, к достижению внешней дисциплинированности и повиновения, к «подмораживанию России» после пережитой ею слишком бурной «оттепели» при нашей исторической традиции и психологии более чем естественно. Но не менее естественны и следствия таких

«подмораживаний», когда подавленные, скрытые от глаз противоречия вдруг начинают выходить наружу, лед начинает стремительно таять и возникает «потоп». Так было в 1917-м году. Так было и в 1991-м. Так будет и в каком-то пока неведомом нам году. Вероятно, это случится не завтра, но наша политика, наверное, строится по принципу «после нас — хоть потоп».